

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/GVIMCE>
УДК 821'01(38).0
ББК 83.3(0)321

О ШУТКЕ В КОМЕДИИ АРИСТОФАНА «ЖЕНЩИНЫ В НАРОДНОМ СОБРАНИИ» (СТ. 21–23)

© 2023 г. Е.Н. Бузурнюк

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 12 января 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 02 марта 2023 г.
Дата публикации: 25 июня 2023 г.*

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-32-45>

Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-571 от 3 июня 2021 г., срок реализации 2021–2023 гг.) «Цифровые комментарии к античным текстам: древнегреческая комедия»

Аннотация: В статье рассматривается история толкования шутки, содержащейся в ст. 21–23 комедии Аристофана «Женщины в народном собрании». Среди исследователей нет единого мнения о том, что значит рассматриваемое место, какой порядок стихов предпочтительнее и какую роль эти стихи играют в открывающей сцене комедии. Текстологический, содержательный и контекстуальный анализ позволяет автору статьи истолковать темное место таким образом, чтобы предложенная интерпретация наилучшим образом соответствовала поэтике Аристофана. Автор статьи возражает против изменения порядка стихов, аргументируя необходимость сохранения рукописного порядка. Рассматриваемое место предлагается понимать следующим образом: Аристофан цитирует некоего Фиромаха, который в публичном пространстве совершил речевую ошибку и вместо ἐτέρας ἑδρας «другие места» сказал ἐταίρας ἑδρας, что приблизительно значит «гетерины седалища». Поскольку контекст подразумевает, что героини должны «занять места», речевая ошибка Фиромаха оказывается удобной для обыгрывания. Снижение паратрагического пафоса открывающей сцены комедии с помощью шутки, основанной на физиологическом юморе, входит в поэтический инструментарий Аристофана и позволяет ему получить благосклонность зрителей разных культурных уровней.

Ключевые слова: Аристофан, «Женщины в народном собрании», Экклезиазусы, комедия, текстология, юмор, пролог в комедиях, шутки Аристофана.

Информация об авторе: Екатерина Николаевна Бузурнюк — аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; преподаватель, Историко-филологический факультет, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0818-5375>

E-mail: katerinabuz@gmail.com

Для цитирования: Бузурнюк Е.Н. О шутке в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (ст. 21–23) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 32–45. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-32-45>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 2, 2023

THE JOKE IN ARISTOPHANES' ASSEMBLYWOMEN (V. 21–23)

© 2023, Ekaterina N. Buzurnyuk
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia
Received: January 12, 2023
Approved after reviewing: March 02, 2023
Date of publication: June 25, 2023

Acknowledgements: The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement no. 075-15-2021-571 by June 3, 2021, implementation period 2021–2023) “Digital Commentaries on Ancient Texts: Ancient Greek Comedy.”

Abstract: The article deals with the history of interpretation of the joke in v. 21–23 of Aristophanes' *Assemblywomen*. There is no consensus among researchers about the meaning of the passage under consideration, what order of verses is preferable, and what role these verses play in the opening scene of the comedy. The textual and contextual analysis allows the author to interpret the obscure passage so that the proposed interpretation suits the poetics of Aristophanes' comedies best. The author of the article argues against the change in the manuscripts' order of the verses. The passage in question should be understood as follows: Aristophanes quotes a certain Phylomachus, who in public space made a speech mistake and instead of *ἐτέρας ἑδρας* ‘other places’ said *ἐταίρας ἑδρας*, which approximately means ‘hetairas’ seats. Since the context implies that the female characters ought to ‘take their places,’ the quotation of Phylomachus' mistake turns out to be suitable. In addition, the reduction of the paratragic pathos of the opening scene of the comedy with the help of a joke based on physiological humor is characteristic for the poetic toolkit of Aristophanes and allows him to gain the favor of viewers of different cultural levels.

Keywords: Aristophanes, *Assemblywomen*, *Ecclesiazusae*, comedy, textology, comic prologue, humour, Aristophanic jokes.

Information about the author: Ekaterina N. Buzurnyuk, PhD Student, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Lecturer, Faculty of History and Philology, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Ave. 82, 119571 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0818-5375>

E-mail: katerinabuz@gmail.com

For citation: Buzurnyuk, E.N. “The Joke in Aristophanes' *Assemblywomen* (v. 21–23).” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 2, 2023, pp. 32–45. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-32-45>

В комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» афинские жены готовят заговор: они задумали надеть бороды и плащи своих мужей, чтобы проникнуть незамеченными в народное собрание, внести предложение о передаче власти в городе женщинам и самим же проголосовать за это решение. Комедия открывается монологом Праксагора, занимающим 29 стихов.

Первая часть монолога — 16 стихов — посвящена обычной лампе, которую Праксагора приносит собой, выйдя на ночную афинскую улицу. Обратившись к лампе как к светоносному божеству (обращение) (подробнее см.: [1]), Праксагора описывает ее славное происхождение (прославление божества) и затем просит ее передать сигнал сообщницам (просьба к божеству). Таким образом, первые 6 стихов воспроизводят структуру, характерную для гимна [9, р. 128], что находит отражение также в возвышенном языке и стиле. Окончательное снижение предмета при сохранении паратрагического пафоса происходит в ст. 7–16, когда Праксагора повествует о том, как лампа прежде помогала женщинам, будучи допущенной в самые укромные уголки дома и к женскому телу. При этом лампа не выдавала никому женских секретов.

Через описание взаимовыгодных отношений¹ (мы доверяли тебе — ты нас не выдавала) обосновывается участие лампы-божества в новом женском замысле — и в ст. 17 Праксагора начинает раскрывать содержание комедии. Сначала зритель узнает, что у женщин есть какой-то план (τὰ νῦν βουλευόμενα, «нынешний замысел», 17), решение о котором было принято на празднике Скир (18). Затем Праксагора обозначает время (πρὸς ὄρθρον γ’

1 Речь идет о специфических отношениях между божеством и человеком, обращающимся к нему с молитвой.

ἐστίν, «а дело уж к рассвету», 20), а также объясняет ситуацию: скоро начнется народное собрание, и женщинам следует занять места (20–23). Далее героиня задается вопросом, почему женщины до сих пор не пришли, и перечисляет возможные причины их задержки: у них нет сшитых бород (24–25) или им было трудно тайно выкрасть мужские гиматии (26–27). Это, как мне кажется, удачно создает интригу — зритель уже понимает, что приход в собрание и искусственные бороды связаны, однако истинная цель женщин все еще остается неизвестной. В ст. 27–29 Аристофан продолжает намекать зрителям на некий женский заговор: Праксагора видит приближающийся огонек и скрывается, чтобы не быть обнаруженной, если вдруг приближается мужчина.

Эти предварительные замечания о структуре открывающей сцены нам важны по следующей причине. Полагаю, что Аристофану было важно завладеть вниманием и расположением публики с первой произнесенной актером строчки, поэтому открывающие сцены комедий призваны удивить, заинтриговать и/или рассмешить зрителя [8, р. 170–171]. Ни один стих не появляется просто так: каждый неизменно преследует одну из трех названных целей.

В монологе Праксагоры есть фрагмент, который пока остается не до конца понятным как с точки зрения внутреннего смысла, так и в отношении функции, которую он имеет внутри открывающей сцены. Речь идет о стихах 20–23:

καίτοι πρὸς ὄρθρον γ' ἐστίν· ἡ δ' ἐκκλησία	20
αὐτίκα μάλ' ἔσται· καταλαβεῖν δ' ἡμᾶς ἔδρας —	21
ἃς Φυρόμαχος ποτ' εἶπεν, εἰ μέμνησθ' ἔτι —	22
δεῖ τὰς εἰταίρας κάγκαθιζομένας λαθεῖν.	23

И все же дело уж к рассвету; и собрание
Начнется вскоре; нам следует занять места, —
О которых некогда сказал Фиромах, если помните, —
τὰς εἰταίρας, и незаметно на них сесть.

Что значит “καταλαβεῖν δ' ἡμᾶς ἔδρας δεῖ τὰς εἰταίρας”? Зачем Аристофан вводит упоминание Фиромаха? Можно ли принять рукописный поря-

док строчек, или же стоит, вслед за многими издателями, его изменить? Что этот пассаж дает Аристофану для достижения одной из трех целей — увлечь, заинтриговать или рассмешить зрителя? В данной статье я постараюсь дать ответы на эти вопросы.

Как становится ясно благодаря стиху 22, мы имеем дело с некой цитатой, приписываемой Фиромаху². Большинство исследователей согласны в том, что Фиромах, кем бы он ни был, совершил в публичном выступлении (в собрании, во время представления в театре или где бы то ни было еще) оговорку, которая придала его словам неприличный смысл. Схолиаст в Равеннской рукописи (R) сообщает, что сказано было слово ἔδρας («места для сидения», но также может означать «задницы», «седалища»), в рукописях Г и Λ в этом схолии вместо ἔδρας написано τὸ и τὶ соответственно. Опираясь на этот схолий в рукописи R, У. фон Виламовиц-Меллендорф решил, что некий неудачливый актер когда-то сказал ἔδρας «задницы» вместо ἔδρας «ты сделал» (цит. по: [4, р. 370]). Однако, как будет показано далее, речевая ошибка заключалась не в ἔδρας, а в ἑταίρας.

1 В чем заключается шутка?

Бенджамин Роджерс считает вероятным, что Фиромах (или Сфиромах, или Клеомах) был героем пьесы, который направил своих ἑταίρους — «товарищей» (т. е. хор) — лежать в засаде, пока он сам принимал участие в «некоем опасном приключении» [12, р. 7]. И, по мнению исследователя, ст. 22 произносит корифей, напоминая хору об указании, которое им дал их предводитель Фиромах. Роджерс, опираясь на схолий к самому началу комедии (ὑποπτεύεται ὁ ἴαμβος ἢ τοῦ Ἀγάθωνος ἢ τοῦ Δικαιογένοῦς, «предполагают ямб или Агафона, или Дикеогена»), видит в стихах 21–23 реминисценции из какой-то трагедии Агафона или Дикеогена. Шутка, таким образом, должна была бы заключаться в замене τοὺς ἑταίρους «товарищей» в мужском роде на τὰς ἑταίρας в женском. Восстановление Роджерсом сцены из трагедии кажется фантазией. К тому же трудно представить, что в трагедии, чей сюжет обычно основан на мифе, мог появиться герой с именем Фирмах, которое

2 Имя Φυρόμαχος написано в Равеннской рукописи, в остальных — Σφυρόμαχος, которое, вероятно, является рукописной ошибкой из-за диттографии сигмы. Ситуация с именем осложняется тем, что в схолиях появляется имя Κλεόμαχος, и его связь с рукописным Фиромахом неясна. Сведения схолий требуют отдельного обсуждения, которое не имеет принципиального значения для решения вопросов, поставленных в данной статье.

не зафиксировано в мифологической традиции и является обычным афинским именем для V–II вв. до н.э. (LGPN II s.v. Φυρόμαχος).

Ван Леувен приводит несколько различных мнений [7, p. 8]. Одно из них заключается в следующем: стих 22 может стоять в самом начале комедии, после ст. 1 или 2 (как мы помним, схолиаст подозревает цитату из трагика в ст. 1): «ὃ λαμπρὸν ὄμμα κτέ., ὡς Φυρόμαχος τότε εἶπε κτέ.», и таким образом Аристофан высмеивает какого-то трагического поэта или актера за высокопарные выражения. Ван Леувену эта перестановка кажется предпочтительной.

Если же помещать ст. 22 на его обычное место, то шутку, по мнению ван Леувена, стоит понимать так. Аристофан напоминает зрителям о случае, который недавно произошел в собрании и стал поводом для смеха: некий оратор, нападая на аристократов (in optimates), припомнил τὰς ἔδρας τῶν ἐταίρων — скамьи в первом ряду, а какой-то шутник превратил эти слова в некое неприличное выражение.

Соммерстин связывает ошибку с неправильно поставленным ударением. Форма родительного падежа от ἐταῖρος, «товарищ», будет ἐταίρων, но Фиромах якобы сказал ἐταῖρων, «гетер». Параллелью служит известная ошибка актера Гегелоха, которую Аристофан цитирует в Лягушках (Ra. 303–304). Играя Ореста, Гегелох произнес γαλήν, «ласку», вместо γαλήν' (γαληνά), «спокойствие» [6, p. 231]. Параллель не самая близкая, поскольку ошибки типологически различны: Гегелох ошибается в типе ударения, а Фиромах, в интерпретации Соммерстина, в ударном слоге.

Главным возражением против подобной реконструкции ошибки Фиромаха служит то, что Аристофан использует вовсе не родительный, а винительный падеж. Если слово ἐταῖρας — это слово, в котором была совершена оговорка, и если соль шутки заключается именно в нем, то изменение падежа должно привести лишь к снижению производимого эффекта, поскольку распознать цитату становится сложнее. Наибольший комический эффект будет достигнут только в том случае, если падеж в первоисточнике и в тексте Аристофана будет один и тот же — винительный.

На определенном этапе издатели текста комедии предпочитали заменить ἐταῖρας на ἐτέρας — «другие», что дает более простой и понятный смысл, но требует дополнительных исправлений для сохранения метрики. Вопреки согласию рукописей, единодушно выбирающих чтение ἐταῖρας, за-

мену сделали Вильгельм Диндорф (1826), Фредерик Блейдс (1881), Адольф фон Вельзен [15] (1883), добавив πῶς после δεῖ τὰς ἐταίρας.

В 1902 г. Альфонс Виллемс высказал следующее предположение: Фиромас, некий неизвестный политик, хотел сказать ἐτέρας ἔδρας, «другие места», но оговорился и произнес ἐταίρας ἔδρας (цит. по: [7, р. 8–9]). Виктор Кулон поддерживает мнение Виллемса [4, р. 369], с ними согласен также и Ашер [14, р. 76].

Каким образом ἐταίρας ἔδρας обретает обценный смысл? Ашер обращает внимание, что ἔδρα — слово, которое может означать как «место для сидения», так и «седалище», «зад» [14, р. 75]. У Аристофана в схожем двусмысленном выражении это слово встречается в *Облаках*: καὶ τῆς σελήνης ἐσκοπεῖσθε τὴν ἔδραν; «[Отчего] вглядывались в седалище луны?» (*Nu.* 1507). В ст. 21 ἔδρας рядом с глаголом καταλαμβάνω имеет нейтральное значение «места», однако напоминание о речевой ошибке Фиромаса и произнесение τὰς ἐταίρας придает ἔδρας второе значение, сниженное, и это сразу вызывает смех.

Поскольку изначально ошибка была совершена в прилагательном, не следует понимать ἐταίρας как имя существительное и как приложение к ἔδρας. Замещая подразумеваемое прилагательное ἐτέρας, ἐταίρας тоже употребляется в атрибутивной позиции, создавая образ с предельно ясной семантикой, связанной со словом «гетера». Случаи употребления ἐταῖρος в качестве прилагательного редки, и словарь LSJ дает для прилагательного значения, близкие к существительному («партнер», «товариш»), однако в значении «гетерин» оно не зафиксировано. Однако в нашем случае ἐταίρας и не должно быть употреблено грамматически верно, и нет необходимости в поиске полного грамматического объяснения — ведь ἐταίρας возникло в результате речевой ошибки и неправильность в нем заложена по природе возникновения. Таким образом, ἐταίρας ἔδρας должно примерно означать «гетерины задницы», или, чтобы сохранить в переводе двусмысленность, «гетерины седалища».

II Синтаксис

Роджерс, ван Леувен, К. Роберт [11, р. 342] и следом за ван Леуvenом Алан Соммерстин [13, р. 139] полагают, что τὰς ἐταίρας (существительное) связано с ἡμεῖς в качестве приложения, что дает смысл: «нам, сообщницам по заговору, следует занять места...». У ванн Леувена в переводе: “nos

autem, quae sodalicium fecimus, oportet sedes capere”; у Роберта: “wir, die verschworenen Genossinen”; у Sommerstein: “we’ve got to bag places and get seated there without being noticed, acting in the most intimate cooperation...”. У Роджерса в переводе: “we frail womankind must take the seats Phryomachus assigned us”, что совсем далеко от греческого текста.

Соммерстин вслед за ван Леуvenом пишет, что обычное значение существительного ἐταῖρας — «куртизанки», однако в устах Праксагоры оно значит «товарки», «заговорщицы», как слово, связанное с понятием ἐταιρεία, которым в Афинах обозначали политические объединения и общества [13, p. 139]. По мнению Sommerstein, использование этого слова может оставить зрителей в неуверенности касательно статуса Праксагоры и ее подруг: гетеры они или все же жены афинян? Тем не менее Соммерстин сам отмечает, что статус женщин уже установлен упоминанием религиозного праздника Скир, участие в котором принимали только жены граждан. Кроме того, статус Праксагоры обозначен ее обликом — маской и костюмом, и зрители никак не могли принять ее за гетеру.

Главное возражение против связи τὰς ἐταῖρας с ἡμᾶς заключается в том, что к τὰς ἐταῖρας ближе стоит вовсе не местоимение «мы», а существительное «места» (ἔδρας), которое завершает ст. 21 и на которое падает акцент. Поэтому было бы логично связать τὰς ἐταῖρας именно с ἔδρας — так сделал Виллемс, которого цитирует ван Леуven [7, p. 8–9]. Это мнение также поддерживают Виктор Кулон [4, p. 369] и вслед за ним Р.Дж. Ашер [14, p. 75–76].

III Порядок стихов

Рукописный порядок подразумевает, что оборот accusativus cum infinitivo, зависящий от δεῖ, разделен относительным придаточным предложением в ст. 22. Перестановку предложил Довер, и вслед за ним измененный порядок 21–23–22 читают Ашер, Соммерстин и Найджел Вилсон [18, p. 211–212].

καίτοι πρὸς ὀρθρον γ’ ἐστίν· ἡ δ’ ἐκκλησία	20
αὐτίκα μάλ’ ἔσται· καταλαβεῖν δ’ ἡμᾶς ἔδρας	21
δεῖ τὰς ἐταῖρας καγκαθίζομένας λαθεῖν,	23
ᾧς Φυρόμαχος ποτ’ εἶπεν, εἰ μέμνησθ’ ἔτι.	22

По мнению Ашера, порядок стихов в рукописях искажен, и перестановка дает некоторое улучшение: ἐταίρας встает ближе к ἔδρας, к которому оно относится, а после εἰ μὲν ησθ' ἔτι получается логическая пауза в конце предложения, позволяющая аудитории среагировать на шутку [14, р. 75]. Схожее соображение о том, что в конце отрывка (после ст. 23 и 22) актер берет паузу для того, чтобы дать зрителям возможность посмеяться над шуткой, высказывает также Соммерстин [13, р. 140].

Такой подход видится в корне неверным. Во-первых, перестановка — это необоснованное вмешательство в текст, который в рукописной традиции представлен без вариантов. Во-вторых, из-за перестановки ст. 22 становится неясно, к чему именно относится ἄς: к ἔδρας или к причастию καὶ γκαθίζομένας.

Из современных издателей лишь Массимо Ветта сохраняет рукописный порядок. Он также обращает внимание, что εἰ μὲν ησθ' ἔτι направляет внимание зрителей на двусмысленное слово перед тем, как его значение (разумеется, сниженное и поэтому смешное) будет раскрыто [16, р. 147].

Рукописный порядок стихов отражает устройство шутки. Аристофан строит шутку на цитате, поэтому имя Фиромаха — это ключ, позволяющий зрителям верно распознать отсылку. Таким образом, сначала Аристофан говорит вполне невинную фразу в ст. 21: καταλαβεῖν δ' ἡμᾶς ἔδρας, «нам занять места...», что вроде бы подразумевает обычные места для сидения. Затем стих 22 прерывает грамматическую структуру предложения, вводит отсылку к Фиромаху и тем самым подготавливает зрителей к правильной интерпретации шутки. Наконец, в начале ст. 23 звучит τὰς ἐταίρας, составляющее соль шутки и выдвигающее на первый план сниженное значение ἔδρας — и, в конечном счете, воспроизводящее речевую ошибку Фиромаха. Если представить, что зрители разразились хохотом, как только прозвучало τὰς ἐταίρας, легко можно представить, что вторая половина стиха 23 была заглушена этим смехом — там, в любом случае, нет никакой важной информации, это лишь повторение мысли о καταλαβεῖν ἔδρας.

IV Поэтика

В завершение следует отметить, что шутка о «гетериных задницах» делает открывающий монолог Праксагоры более сбалансированным. Комические средства, которыми располагает Аристофан, различаются по

уровню интеллектуальной сложности. На низшем — простейшем — уровне находится юмор, основанный на физиологии. Его понимание не требует высокого уровня культуры и умения считывать отсылки и цитаты. Сюда относятся гиперболизированные накладные элементы комических костюмов (животы и фаллосы у мужских персонажей, молочные железы и ягодицы у женщин), шутки о дефекации, рвоте и иных физиологических процессах. Шутка о «гетериных задницах» тоже входит в эту категорию, сочетаясь, впрочем, с сатирическим выпадом против конкретного лица, что делает шутку более сложной. На противоположном конце спектра находятся приемы, в которых юмор построен на интертекстуальности (в первую очередь, формы паратрагедии) и политической сатире.

Как было показано, начало монолога Праксагоры уподобляется гимну, что помещает эти стихи на сравнительно высокий уровень комического. Далее следует паратрагическое обращение к лампе, пафос которого несколько компенсируется низким предметом речи (помощь лампы в женских хитростях), однако это не приводит к совершенному снижению стиля. Наконец, Аристофан полностью разрушает серьезность ситуации и интонации с помощью шутки о «гетериных задницах» в ст. 21–23. Использование разных видов юмора могло позволить поэту получить благосклонность не только искушенного зрителя, но и человека, предпочитающего юмор более простой. Схожую технику можно обнаружить в открывающих сценах «Ахарнян» и «Облаков», которые так же, как и «Женщины в народном собрании», начинаются с монологов.

Дикеополь в «Ахарнянах» рассказывает о том, что, пережив многие несчастья, он порадовался лишь четыре раза. Один раз — когда Клеон «изблевал» пять талантов (ἐξήμεσεν, *Ach.* 6), что может предполагать аллюзию на сцену из некой комедии, поставленной ранее [2, с. 97–100]. Стрепсиад в «Облаках» проводит бессонную ночь и жалуется на жизнь в паратрагической манере, но уже в ст. 9 говорит про спящего Фидиппида, что тот «пускает газы» (πέρδεται, *Nu.* 9). Со ст. 14 уже начинается экспозиция комедии, то есть открывающая сцена завершается.

В монологе Праксагоры шутка о ἑταίρας ἔδρας — это первое в данной комедии использование приема физиологического юмора. Когда героиня ранее говорит об участии лампы в депиляции (ст. 12–13), она делает это паратрагически, используя высокий стиль, что разительно отличается от

прямолинейного грубого юмора, заключающегося в ἐταῖρος ἔδρας. Полагаю, Аристофан считал необходимым добавить небольшой элемент физиологического юмора в самое начало пьесы, поэтому интерпретация Виллемса в наибольшей степени соответствует творческому методу Аристофана.

Аристофан в монологе Праксагоры сначала *удивляет* зрителей восхвалением лампы, затем разрушает пафос ситуации, *рассмешив* публику грубой шуткой о «гетериных задницах», и, наконец, *заинтриговывает* зрителей сообщением о том, что женщины должны обзавестись искусственными бородами и мужниными плащами.

Список литературы

- 1 Бузурнюк Е.Н. Обращение к лампе в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (ст. 2): выбор чтения // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 4. С. 74–83.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-74-83>
- 2 Макаров И.А., Никольский Б.М. Горести и радости Дикеополя: Аристофан «Ахарняне» 1–16 // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 88–119.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-88-119>
- 3 Ярхо В.Н. (ред., пер.), Пиотровский Адр. (пер.). Аристофан. Комедии. Фрагменты. М.: Наука, 2000. 1033 с.
- 4 Coulon V. Notes sur l' "Assemblée des femmes" d'Aristophane // *Revue des Études Grecques*. 1923. Т. 36. Fascicule 167. P. 367–399.
- 5 Coulon V. (éd.), Irigoin J. (éd.), van Daele H. (trad.). Aristophane. Comédies. Paris: Les Belles Lettres, 1930. Т. 5: L'Assemblée des femmes. Ploutos. 147 p.
- 6 Dover K. (ed.). Aristophanes. *Frogs*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 398 p.
- 7 Leeuwen J. van (ed.). Aristophanes. *Ecclesiazusae*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1905. 162 p.
- 8 Mazon P. Essai sur la composition des comedies d'Aristophane. Paris: Hachette, 1904. 183 p.
- 9 Metcalf C. The Gods Rich in Praise: Early Greek and Mesopotamian religious poetry. Oxford: Oxford University Press, 2015. 288 p.
- 10 Regtuit R.F. Scholia in Thesmophoriazusas; Ranas; Ecclesiazusae et Plutum. Groningen: Egbert Forsten, 2007. 131 p.
- 11 Robert C. Aphoristische Bemerkungen zu den Ekklesiazusen des Aristophanes // *Hermes*. 1922. Bd. 57, H. 3. S. 321–356.
- 12 Rogers B.B. (ed.). The Ecclesiazusae of Aristophanes. London: George Bell & Sons, 1902. 238 p.
- 13 Sommerstein A. (ed.). The Comedies of Aristophanes. Warminster: Aris & Phillips, 1980. Vol. 10: Ecclesiazusae. 242 p.
- 14 Ussher R.G. (ed.). Aristophanes' Ecclesiazusae. Oxford: Clarendon Press, 1973. 259 p.
- 15 Velsen A. von (ed.). Aristophanis Ecclesiazusae. Leiden: In aedibus B.G. Teubneri, 1883. 98 p.
- 16 Vetta M. (ed.), Del Corno D. (tr.). Aristophane: Le Donne all'assemblea. Milan: Fondazione Lorenzo Valla, Arnoldo Mondadori Editore, 1989. 299 p.
- 17 Wilson N.G. Aristophanea. Studies on the text of Aristophanes. Oxford: Oxford University Press, 2007. 218 p.
- 18 Wilson N.G. (ed.). Aristophanis Fabulae II. Oxford: Oxford University Press, 2007. 326 p.

References

- 1 Buzurniuk, E.N. "Obrashchenie k lampe v komedii Aristofana 'Zhenshchiny v narodnom sobranii' (st. 2): vybor chteniia" ["Reference to the Lamp in Aristophanes' 'Assemblywomen' (v. 2): Reading Choice"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 74–83. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-74-83> (In Russ.)
- 2 Makarov, I.A., and B.M. Nikol'skii. "Goresti i radosti Dikeopolia: Aristofan 'Akharniane' 1–16" ["Sorrows and Joys of Dicaeopolis: Aristophanes' 'Acharnians' 1–16"]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 88–119. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-88-119> (In Russ.)
- 3 Iarkho, V.N., editor, translator, and Adr. Piotrovskii, translator. *Aristofan. Komedii. Fragmenty* [Aristophanes. Comedies. Fragments]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 1033 p. (In Russ.)
- 4 Coulon, Victor. "Notes sur l' 'Assemblée des femmes' d'Aristophane." *Revue des Études Grecques*, t. 36, fascicule 167, 1923, pp. 367–399. (In French)
- 5 Coulon, Victor, éditeur, et Jean Irigoien, éditeur, et Hilaire van Daele, traducteur. *Aristophane. Comédies*, t. 5: L'Assemblée des femmes. Ploutos. Paris, Les Belles Lettres, 1930. 147 p. (In French)
- 6 Dover, Kenneth, editor. *Aristophanes. Frogs*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 398 p. (In English)
- 7 Leeuwen, Jan van, editor. *Aristophanes. Ecclesiazusae*. Leiden, A.W. Sijthoff, 1905. 162 p. (In Latin)
- 8 Mazon, Paul. *Essai sur la composition des comedies d'Aristophane*. Paris, Hachette, 1904. 183 p. (In French)
- 9 Metcalf, Christopher. *The Gods Rich in Praise. Early Greek and Mesopotamian Religious Poetry*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 288 p. (In English)
- 10 Regtuit, Remco F., editor. *Scholia in Thesmophoriazusae; Ranas; Ecclesiazusae et Plutum*. Groningen, Egbert Forsten, 2007. 131 p. (In Latin)
- 11 Robert, Carl. "Aphoristische Bemerkungen zu den Ekklesiazusen des Aristophanes." *Hermes*, bd. 57, h. 3, 1922. S. 321–356. (In German)
- 12 Rogers, Benjamin B., editor. *The Ecclesiazusae of Aristophanes*. London, George Bell & Sons, 1902. 238 p. (In English)
- 13 Sommerstein, Alan, editor. *The Comedies of Aristophanes*, vol. 10: Ecclesiazusae. Warminster, Aris & Phillips, 1980. 242 p. (In English)
- 14 Ussher, Robert G., editor. *Aristophanes' Ecclesiazusae*. Oxford, Clarendon Press, 1973. 259 p. (In English)
- 15 Velsen, Adolf von, editor. *Aristophanis Ecclesiazusae*. Leiden, In aedibus B.G. Teubneri, 1883. 98 p. (In Latin)
- 16 Vetta, Massimo, editor, and Dario Del Corno, translator. *Aristophane: Le Donne all'assemblea*. Milan, Fondazione Lorenzo Valla, Arnoldo Mondadori Editore, 1989. 299 p. (In Italian)

- 17 Wilson, Nigel G. *Aristophanea. Studies on the Text of Aristophanes*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 218 p. (In English)
- 18 Wilson, Nigel G., editor. *Aristophanis Fabulae II*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 326 p. (In Latin)